

Григорий Горин всегда уклоняется от встреч под всевозможными предлогами. Казалось бы, веселый писатель, юморист, автор многих комедий, но при беседе настроен...

— Честно говоря, боюсь и не люблю интервью. Я вообще из

не считал возможным быть в ней дилетантом. Неудача писателя куда менее опасна, чем неудача врача!

— Вы живете в центре Москвы. За окном грохочет улица Горького, идут толпы людей. Не мешает ли вам все это работать?

мокритики. Стараться смотреть на все спокойно.

— Вам это удается?

— Честно говоря, редко. Я же говорил: я — «самоед». Увижу свое выступление в передаче «Вокруг смеха» — прихожу в отчаяние от того, как чи-

ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

НАД ЧЕМ СМЕЕМСЯ...

Встреча с писателем Григорием Гориним

породы «самоедов», сомневающих в каждой написанной строчке. Очень не люблю слова «юморист». Оно заставляет все работы данного автора рассматривать под одним углом. Это несправедливо. Вообще, мне кажется, сегодня в юмористическом жанре наметился определенный кризис. Читая многочисленные «отделы сатиры и юмора» в разных периодических изданиях, поражаешься их однообразности, стереотипности.

Клуб 12 стульев «Литературной газеты» размножился, расштамповался, и вот застрелили его многочисленные отписки. Всюду один и тот же стиль. В чем причина? Писатели часто забывают, что юмористика — это часть великой литературы.

Глубже! — вот к чему хочется призвать всех, кто хочет писать юмористические вещи. Впрочем, почему только писать? И читать... А ведь иной читатель морщится, если встречается в литературе, которую он определил как «юмористическую», что-то печальное, даже трагическое.

— Вы работаете в разных жанрах: проза, драматургия, кинодраматургия, журналистика. А всему этому предшествовала работа врача «скорой помощи»...

— Я оставил медицину, потому что очень ее любил и уважал. И

Нет. Даже помогает. Ведь я писатель сугубо городской. Я — коренной москвич, очень люблю и, как мне кажется, чувствую свой город. Мне нравится сливаться с толпой, мне хорошо думается в магазинной очереди или на ступеньках эскалатора метро. (Конечно, если очередь не бесконечна, а на эскалаторе тебя не толкают в спину). Город надо чувствовать, ощущать... Но если честно говорить, мы все еще в огромном долгу перед городом. Деревня описана в современной литературе и больше, и точнее.

— Хорошо известны ваши пьесы. Как человек, пишущий для сцены, вы испытывали чувство недовольства театром, режиссурой, актерами?

— Разумеется. Это — постоянное ощущение драматурга: ах, меня не поняли, ставят не так! Но теперь я понимаю: это неизбежно. Что бы ты ни придумывал, наввно полагать, что придут актеры и будут всего лишь послушными пешками в выражении авторских мыслей. Сегодня каждый актер ощущает себя личностью, он примеряет и подгоняет написанный тобой образ к своему пониманию жизни и событий. Это его право! А если, действительно спектакль не получился, вини себя. Вообще надо развивать в себе чувство са-

тала рассказы... Вот, думаю, позор!.. Потом поговорю с людьми, она зывается, все было неплохо, даже хорошо.

— Как вы относитесь к тому, что многих «старых» литературных героев стараются «осовременить»? Как сделали вы, например, с бароном Мюнхгаузеном.

— Вопрос сложный. Надо прежде всего разобраться, о каких персонажах идет речь. Есть герои, порожденные легендой, фольклором. Современное прочтение таких героев не только возможно, но и необходимо. Тиль Уленшпигель, Дон Жуан, Фауст, Ходжа Насреддин... Эти герои живут вечно, они не только никогда не умирают, но и рождаются снова для каждого поколения.

Так и у меня. Сначала я написал пьесу «Самый правдивый...», а затем сценарий фильма «Тот самый Мюнхгаузен». Мы «увидели» его одинаково: я, режиссер Марк Захаров, артист Олег Янковский.

— Над чем вы работаете сейчас?

— Написал пьесу для Театра Ленинского комсомола, где моя пьеса «Тиль» идет до сих пор. Сейчас выходит спектакль «Прощай, конференсье!» в театре сатиры. С этими театрами у меня связано много замыслов.

Г. КОТОВА.

ОМЕНИА
г. Калинин

13 ДЕК 1984